

В ДОМЕ ПЛАЧА

интересное, плодотворное, что человек может совершить. Изменить можно все. Если один человек начнет думать... другой, третий. Постепенно эта волна докатится до многих и начнется перевес в нормальную сторону", — говорит он в интервью радио "Свобода". Но в песне итог получается несколько иной: "Я бы и хотел, да все как след на песке".

Стойкий выбор в песне "Тема для новой войны" сформулирован как нельзя более точно: "Делай, что должен, и будь, что будет. Мне кажется, это удачный ответ на вопрос".

На этой основе возможно более-менее упорное сопротивление внешнему давлению, но ее, оказывается, недостаточно для организованной борьбы за какие-то определенные цели.

Постоянное ощущение: "а так мне кажется, что все это зря" — сочетается у Гребенщикова с верой в Великую и прекрасную божественную гармонию. Здесь нам придется специально рассмотреть религиозные взгляды лидера А, поскольку проблема эта запутана — не столько им самим, сколько журналистами, взявшимися его толковать. "За относительно недолгое (с 1991 года) время нашего знакомства Гребенщиков успел побывать православным и буддистом, теперь, похоже, перед нами новоявленный оккультист", — пишет в "Литературной газете" (1998, №17) Лариса Винарова. Если бы знакомство началось раньше, к списку можно было бы добавить даосизм, индуизм ("Хвала Шри-Кришне") и экзотическую карибскую религию растафари, тесно связанную с музыкой рэггей: "Джа даст нам все, у нас больше нет проблем". "Джа — искаженное английское произношение имени Иеговы... бог чернокожих Джа Растафари" (Н.Сосновский). Но Гребенщиков никогда не был религиозным конъюнктурщиком (вроде поп-левичек, украсивших декоративными крестами). Его позиция высказана довольно ясно, и судите сами, насколько она близка к установке "любая религия — явление прежде всего эстетическое", которую приписывает ему "Литературная газета".

"Религия абсолютно необходима. Если не будет религии, людям придется тратить гораздо больше времени, чтобы понять, что же делать с собой и для чего. Они поополкнутся тельцу какое-то время, а потом поймут, что это бессмысленно, и все равно придут к пониманию Бога. Религия — это как вектор, определяющий направление движения. Культура — как бы само тело, а религия показывает, что можно делать вот так вот. Север — там, Восток — там. А Бог-то все равно один. Нелепо предполагать, что в России один Бог, а перейдешь десять метров за границу — там уже будет другой. Бог один, а формы его восприятия в разных регионах, разных культурах разные".

А мы все молчим, мы все считаем и ждем;

Мы все поем о себе,
О чем же нам петь еще?
Но словно бы что-то не так,
Словно бы блеклы цвета,
Словно бы нам опять не хватает тебя,
Серебро Господа моего, Серебро Господа;
Разве я знаю слова, чтобы сказать о тебе?

Серебро Господа Моего, Серебро Господа —
Выше звезд, выше слов, вровень с нашей тоской.

Удивительно чистая и благородная современная молитва — ничего подобного в наше время не создано ни в одной из "внутриконфессиональных" художественных традиций. Эхом ей отзовется только башлачевская гитара: "Имя Имен Взято ветром и предано колоколам. И куполам Не накинуть на имя имен золотую горящую шапку".

Для Гребенщикова (как и для Башлачева) "слова" (ритуальные позы, "фенечки" etc) не имеют большого значения ни в земном социуме, ни тем более на Небесах. "Бог-то все равно один".

Поэтому Гребенщиков может спеть:
Я сяду в лотос поутру посреди Кремля
И вздрогнет просветленная сырая мать-земля.

Или вовсе кощунственное: "По Голгофе бродит Будда, И кричит "Аллах Акбар". Но ключевые слова не зря повторяются рефреном в конце каждого куплета: "Машинист и сам не знает, что везет тебя ко мне". Внимательно разбирая религиозную символику альбома "Лилим", М.Тимашева приходит к выводу: "он довольно фамильярен со святынями всех времен и народов... но в гребенщikovской игре с сакральными образами нет глумления", а есть "глубокий смысл и основательное знание первоисточников, на понижение играет не он, а те, кто превратил религию в "воинствующую этнографию".

"Прекрасный дилетант" очередной раз оказывается профессиональнее штатных профессионалов. Он возвращает понятию "религия" естественный смысл:

Я учился быть ребенком,
Я искал себе причал;
Я разбил свой лоб в щебенку
Об начало всех начал.
Ох, нехило быть духовным.
В голове одни кресты.
А по свету мчится поезд,
И в вагоне едешь ты.

"Человек рожден, чтобы примирить главное противоречие природы, — объяснял корреспонденту "Собеседника" Гребенщиков. — С одной стороны, гармония, красота, с другой — под этой оболочкой иерархия поедания". И ссылаясь на апостола Павла, 8 главу послания к Римлянам. В "Собеседнике" цитата очень краткая, позволю себе ее чуть-чуть продлить. "Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... Вся тварь совокупно стнает и мучится донныне; И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в

себе стнаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего..."

В религии человеческая душа "ищет себе причал", "смысл и цель существования, не сводимые к повседневным бытовым потребностям". Пресловутая гребенщikovская "электрика" — не легкомыслие и не дилетантизм, а, если хотите, художественное выражение тезиса современного теолога Ханса Кюнга о "растущем сближении и творческом сосуществовании религий друг для друга во взаимном поиске все большей истины и лишь в Эсхатоне (в последние времена) полностью откroющей тайны единого и истинного Бога". А особая расположенность к буддизму отражает тот широко известный факт, что из всех мировых религий буддизм наиболее открыт для "взаимных поисков истины" и наименее догматичен — поэтому его история практически не знает религиозных войн и массовых репрессий по отношению к "еретикам". "Все религии мира подчеркивают важность сострадания, любви и способности прощать. У каждой из них могут быть свои собственные толкования всего этого, но вообще говоря, все они опираются на понятия братства, сестринства и сострадания... Все, что я могу дать вам, — это мой собственный опыт. Если вы найдете в нем что-то полезное, то, я надеюсь, вы его используете. Если же нет, я не возражаю, если вы откажетесь от него". (Далай-лама XIV).

Сам Гребенщиков поясняет: "Мой учитель говорит: помни, если у тебя доброе сердце, если ты делаешь что-то другим, то ты буддист. А если ты делаешь все только для себя — ты не буддист, как бы ты себя ни называл, хоть далай-ламой".

В религиозных поисках Гребенщикова особенно ярко проявляется качество, за которое М.Тимашева прозвала его "поликультуристом" — культурная открытость, чрезвычайно созвучная настроениям того слоя, который воспитал самого БГ, взрастил его А и составил их верную аудиторию. "Хронотоп его зрелой поэзии — вечное время, время дао — неиссякаемого источника мирового движения. Он может стать Иваном Бодхидхармой, Иванушкой-дурочком, мастером Бо или просто Ивановым, читающим на трамвайной остановке томик Сартра... И баян здесь играет не частушки, а Сантану и Weather Report... и ритуальный клич "дык, елы-палы!" соседствует с высоким стилем салонного романса". Перечень, начатый Сергеем Добротворским (Родник, 1988, №6), можно продолжать еще очень долго. Для "поликультуриста" не существует государственных границ, эпох и формаций. А чьи-то претензии на мундир генералиссимуса: "Смирно! Я знаю, как надо!" — заведомо настолько несостоятельны, что не стоит тратить время даже на их высмеивание. Можно ограничиться мини-маршем: "Я покорою города истоциных волем идиота. Мне нравится моя работа. Гори, гори, моя звезда". (Кстати, одна из немногих не-гребенщikovских песен в репертуаре А — "Джорджа" Гуницкого).

Гребенщиков упорно стремится стереть и самую главную границу: между Небесной гармонией и реальной жизнью за окном, где "сплозает по крыше старик Козлодоев" и "ребята ловят свой кайф" — "вытри кровь, их не догонишь, А если догонишь, то может быть хуже". Но успехи его как теоретика и просто как человека (которому естественно стремиться к гармонии и свету) оборачивались поражением художника.

Так возьми в ладонь клевер, возьми в ладонь мед
Пусть охота, летящая вслед, растает как тень.

Мы прожили ночь — так посмотрим, как выглядишь день.

Лебединая сталь — вперед.

"Природа очеловечена, а люди слиты с природой" — так как мы ест: зеленые деревья и золото на голубом", — но только рок при этом превращается в "колыбельную" или

даже в "снотворное". А группа А — в коллективного Луку из пьесы М.Горького "На дне". Гребенщиков находит мужество признать, что задача его жизни не имеет решения. Признания эти постоянно звучат в песнях разных лет.

Слишком рано для цирка,
Слишком поздно для похода к святой земле.

Мы движемся медленно, словно бы плавит воск:

В этом нет больше смысла.

"Я так хотел бы опираться о платан. А так — мне кажется, что все это зря". "Я мечтал об этой жизни с двенадцати лет, Я сделал свой шаг, я оставил свой след. Как нож режет воду". Но самое отчаянное и безжалостное — в песне "Не коси" из альбома "Навигатор":

Сколько я ни крал — а все руки пусты.
Сколько я ни пил — все вина как с куста;
Хошь ты голосуй, хошь иди в буддисты,
А проснешься поутру — все вокруг пусто-та.

Идеал всерьез соприкасается с "пресным миром" в таких сферах, которых не достигает человеческий взгляд и даже разум философа. "Выше звезд, выше слов, вровень с нашей тоской". Да и не хочется туда заглядывать. "Я бы вышел вон, но только там страшней, чем здесь".

В этом глубинном трагическом противоречии творчества Гребенщикова, возможно, скрывается настоящее объяснение (или по крайней мере одно из объяснений) того, что из всех знаменитых бардов лидеру А оказался роднее эмигрант Александр Вертинский, казалось бы, безмерно далекий от рок-эстетики. Зато Вертинский был, как очень точно определил его Константин Рудницкий, "искусственным устройством иллюзорных миров, конструктором миражей. Но сам же опровергал эти обманчивые грезы, когда вдруг с отчаянием признавался, что "даже розы пахнут псиной" (Театр, 1988, №2).

В творчестве Гребенщикова отразилась не только его личность, но "страна и эпоха". Под музыку А европейская молодежь Советской России двигалась "в сторону весны". К очередной попытке "вернуть эту землю себе". Эстетов раздражает "социологический" подход к современному искусству — поэтому сошлось на авторитет, заведомо далекий от исторического материализма, но близкий нашему герою. "Совершенномудрый не имеет постоянного сердца, — сказано в "Дао дэ Цзин". — Его сердце состоит из сердец народа". БГ как настоящий медиум, выразил не только те мысли и чувства, которые осознавались его "народом", но и движения подсознания. Тоже совершенно реальные. Страшно реальные. Настолько, что будучи сто раз пропеты БГ, потом его учениками, все равно не воспринимались разумом. Слышали, даже подпевали — но не осознавали, что поется. "Слухом услышите — и не уразумете" (Исайя, 6:9). Читали последние романы "пророков-писателей" братьев Стругацких — и будто бы не читали. ("Пророки-писатели" — вполне научное определение, противопоставляющее их пророкам-шаманам). "Крушение надежд — вот знак, под которым последние два десятилетия работали Стругацкие. Мир людей живет по законам, неподвластным людям. Он глух к призывам пророков и даже велениям Божества".

Умные, красивые молодые люди, выпешдшие из "кулуаров подполья" и научных лабораторий на широкой площади, были запрограммированы на поражение.

Кризис оказался кризисом не власти, но страны.

БГ, 1983, акустический концерт